

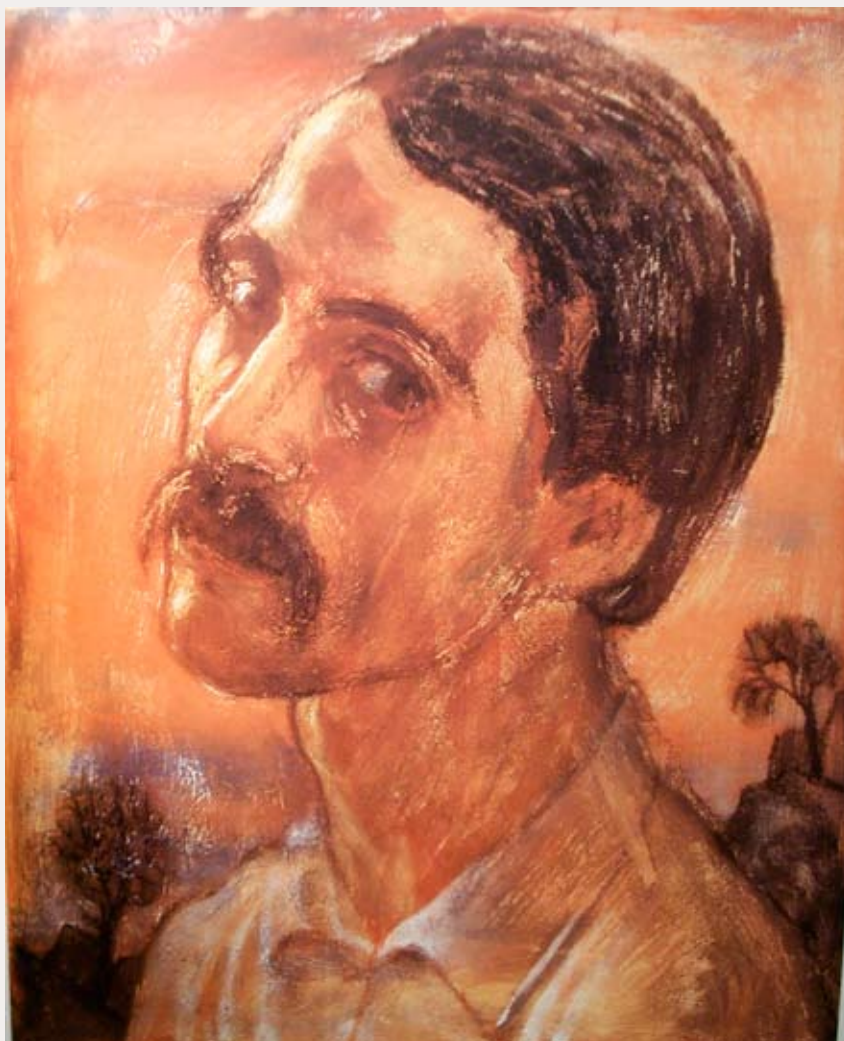

Забывтое имя. Художник Роберт Генин (1884–1943)

С давнего автопортрета на нас вполоборота смотрит болезненное лицо молодого человека на фоне романтического пейзажа, условно намеченного, как на картинах раннего Возрождения. Голова на худощавой шее с заметным кадыком чуть откинута назад; а обвисшие черные усы прикрывают губы, которые, кажется, вот-вот обозначат робкую улыбку. Большие темные глаза, обрамленные густыми бровями, выражают лирическую задумчивость или печаль, а, может быть, — неясное предчувствие будущей беспокойной и не слишком счастливой судьбы...

Имя самобытного живописца и графика Роберта Генина крайне редко встречается в трудах по истории русского искусства¹. В этом он вполне разделит долю многих отечественных художников, оказавшихся после революции — в силу политических или экономических причин — за границами бывшей Российской империи. Относительно толерантное отношение Советской власти к русской художественной эмиграции в 1920-е годы уже в следующем десятилетии сменилось резким официальным неприятием. Утверждавшееся тогда безраздельное господство коммунистической идеологии положило конец диалогу двух распавшихся половин отечественной культуры. Метрополия и эмиграция оказались разделенными политико-идеологическим барьером, в котором лишь изредка удавалось проделать бреши. С падением коммунистического режима этот барьер рухнул, но начавшийся процесс «реабилитации» художников-эмигрантов шел слишком медленно, и долгое время в поле зрения исследователей попадали лишь знаменитости первого ряда, тогда как имена десятков замечательных, но обойденных славой художников оказались прочно забытыми.

Роберт Львович Генин родился 1 августа 1884 г. в селе Высокое Климовичского уезда Могилевской губернии в семье еврейского лавочника. Из-за бедности родителей он жил в семье деда в соседней деревне Красовичи, а позже — у чужих людей. Обстоятельства, ввергнувшие семью в бедность, Генин позже описал, несомненно, с долей художественного вымысла, в пронизанной искренним лиризмом книге «Зарисовки и воспоминания»: «Нет, отчего я стал именно художником, ведь бабушка обещала мне самое мрачное будущее, еще когда мне было четыре года. Она сказала: из этого парнишки вырастет бродяга, разбойник или еще того хуже. Это было, когда в четыре года я поджег родительский дом. Он сгорел дотла, вместе со всем имуществом, чуть было не с моей младшей сестричкой. В последний момент прибежавший отец вытащил ее через окно. Остатки черного камина долгие годы указывали

Автопортрет. 1910-е. К., м. 25 × 27. Музей Фон-дер-Хайдт, Вупперталь

на место моего преступления и нашего несчастья. Мы полностью обнищали, последствия были ужасны. Отец скитался по миру, мать умерла, а я, да, я стал художником. В самом деле, первым впечатлением в моей жизни была та огненная ночь, возможно, самый живописный и грандиозный момент. Беспомощные крестьяне бежали в панике по двору. Из окна выпрыгивает мужская фигура со спасенным ребенком, и за ними в темноту тянутся первые огненные языки. Загорелись занавески. Это было великолепно, большие окна, пылающие огнем, а вскоре и все дере-

вянное здание превратилось в сплошное пламя на черном небе. Мать держала меня за руку и смеялась².

В 8 лет Роберт Генин начал рисовать, в 14 лет по совету сельских учителей поступил в Рисовальную школу в Вильно. В 1900 г. он продолжил образование в Одесском художественном училище — этом относительно либеральном приежище провинциальных талантов, в том числе многих евреев, которым путь в петербургскую Академию художеств был закрыт из-за черты оседлости. Одновременно с Гениным здесь учились знаменитые в будущем художники Борис

Анисфельд, Исаак Бродский, Давид Бурлюк, Митрофан Греков, Степан Колесников, Арнольд Лаховский. Однако в декабре 1902 г., на последнем курсе, Генин бросил училище и уехал в Мюнхен. В то время это была вторая после Парижа художественная столица Европы, во многом обязанная своей славой академической школе, которая сложилась под влиянием блистательного Карла Пилоти и его учеников — Франца фон Ленбаха, Вильгельма фон Дица и одного из столпов модерна Франца Штука. Роберт Генин, однако, предпочел Королевской академии частную школу Антона Ашбе (Ажбе) — словенского педагога-новатора, порвавшего с условными канонами академического преподавания и воспитавшего целую плеяду художников, прославившихся уже в ближайшем десятилетии. Заработок Генину тогда приносила фоторетушь и рисованное увеличение фотографий, эпизодически — частные уроки рисования. На одном из сохранившихся писем художника того времени указан его мюнхенский адрес: Фридрихштрассе, 11 (на углу Айнмюллерштрассе, в университетском районе Швабинг³).

В 1904–1907 гг. Генин жил в Париже, где посещал частную академию Рудольфа Жульена, а одновременно — высшие курсы социальных наук в Сорбонне. В парижских музеях он открыл для себя искусство Пьера Пюви де Шаванна и Ханса фон Маре, которое в значительной мере повлияло на его последующее творчество. В эти годы он много ездил по Франции, побывал в Италии, где изучал технику фрески, и в Египте, где поселилась его младшая сестра. В 1907 г. Роберт Генин дебютировал в Осеннем салоне, представив большую картину «Нищий», но в конце того же года, не найдя заработков в Париже, вернулся в Мюнхен.

В последующие несколько лет Генин исполнял рисунки и карикатуры для журнала «Jugend», многие из которых были посвящены русским темам, в том числе политическим событиям 1905–1907 гг. В соответствии с графической эстетикой этого журнала его шаржированные изображения мужиков, попов, жандармов и черносотенцев выполнены в ключе модерна и по манере сближаются с рисунками известных петербургских оппозиционных журналов того времени «Адская почта» и «Жупел». В 1910 г. по заказу городского музея Штеттина (ныне Щецин, Польша), Генин создал эскизы стенной росписи на тему «Труд», положившие начало его монументальному творчеству, которое получило развитие в 1920–1930-е гг. В 1911 г. он познакомился с русскими мюнхенцами, участвовавшими в создании объединения «Синий всадник» («Der Blaue Reiter»), которое сыграло видную роль в становлении немецкого экспрессионизма: В. В. Кандинским, А. Г. Явленским и М. В. Веревкиной (все трое в конце 1890-х были учениками А. Ашбе), однако не стал его членом, но вместе с Паулем Клее и Альфредом Кубином вошел в мюн-

Карикатура в журнале Jugend 1912 №19 «Из России. Думаете, нам государственным служащим легко? Вчера только одного чуть не арестовали из-за каких-то 100000 рублей»

хенское графическое объединение «Sema»⁴. Постепенно к Генину пришла известность, прежде всего благодаря его графическим работам, выполненным в различных техниках — офорт, сухая игла, литография, тушь, пастель. Для его станковой графики характерны изящество линии, крепкая моделировка форм и образная обобщенность, восходящая к воспринятой им в ранние годы эстетике символизма. В противоположность этому книжная графика Генина дышит высокой экспрессивной напряженностью, образы часто доводятся до гротеска, а нервная линия образует угловатые разорванные контуры. В 1912 г. издательство «Дельфин» выпустило его портфолио из 20 литографий «Фигурные композиции» с текстом известного баварского профессора Вальтера Ридлера⁵. В следующем году он провёл первую персональную выставку в мюнхенской галерее Thannhauser, которая приобрела все представленные работы и заключила с художником долговременный контракт. В 1914 г. его персональная выставка прошла в музее Кунстхаус в Цюрихе. В том же году он стал одним из учредителей Нового Сецессиона в Мюнхене и в числе 38 русских художников участвовал в художественном отделе Балтийской промышленной выставки в Мальме (Швеция), где его работы были отмечены петербургским критиком Андреем Левинсоном⁶.

С началом Первой мировой войны Роберт Генин оказался на положении гражданского пленного в деревне Трудеринг под Мюнхеном, где продолжал упорно работать: самостоятельно издал портфолио из 11 литографий «Женщина» (1915)⁷ и альбом «Литографированные зарисовки» (1916)⁸. В 1918 г. он поселился в южном кантоне Швейцарии Тессин,

в небольшом городке Асконе на берегу озера Маджиоре — излюбленном месте художников (там же одновременно обосновалась и М. В. Веревкина, вокруг которой сплотился кружок местных живописцев «Большой медведь» — Der Grosse Bär); зимние месяцы проводил в Берлине (до 1927 г.) или в окрестностях Парижа. Он плодотворно работал как живописец и график: писал лирические портреты и пейзажи, создавал графические серии заостренной социальной направленности, выпустил альбомы и портфолио «Люди»⁹, «Цирк»¹⁰, «Типы берлинских притонов»¹¹, исполнил иллюстрации к книгам «История графа Эрдмана Промница» Я. Вассермана (1921, 9 офорт), «Die Engel mit dem Spleen» К. Эдшидта (1923; 12 литографий) и «Симфония „Песнь о Земле“

Дети у водоёма. До 1919. Б., кар. 46 × 43
Собрание А. Родионова (СПб)

Густава Малера» Г. Бетге (1923)¹². В 1920 г. берлинское издательство Фр. Гурлита в серии «Книги художников» выпустило вышеупомянутую книгу «Зарисовки и воспоминания», в которую вошло 80 рисунков пером и 5 литографий¹³. В конце 1920-х — 1930-е гг. художник исполнял фрески для фасадов общественных зданий в Берлине, Берне и Асконе, участвовал в оформлении коммунистических клубов во Франции.

Девочка в кружевах. 1933. Х., м., 58 × 35.
Собрание А. Родионова (СПб)

Падший. 1915. К., пастель 76 × 53
Собрание А. Родионова (СПб)

Его персональные выставки состоялись в галереях Thannhauser в Мюнхене (1919), Flechtheim (1922, 1923) и Modern (1927) в Берлине, в городских музеях Базеля (1922) и Кельна (1928), в Париже (1932) и Амстердаме (1933). Он участвовал в Выставке русского искусства в Ганновере (1921; в числе 15 ее участников — А. П. Архипенко, Н. С. Гончарова, М. Ф. Ларионов, В. В. Кандинский и М. З. Шагал¹⁴), русском отделе 1-й Международной выставки в Дюссельдорфе (1922)¹⁵, в берлинском Сецессионе, в парижском салоне Тюильри (1918–1928), групповых выставках в Швейцарии и Австрии (1928–1934).

В живописи и графике Роберта Генина 1920–1930-х гг. по-прежнему сосуществуют и пересекаются две противоположные по сути стилевые тенденции, первая из которых корнями восходит к монументально-живописным поискам

представителей французского модерна, а вторая представляет собой оригинальное развитие идей немецкого экспрессионизма, обогащенного русским и еврейским влияниями. Французский критик Поль Ференс писал в 1931 г.: «Позиция Генина — это вера в себя, в жизнь, в свою звезду. Он отдается на волю вдохновения, которое иногда, видимо, должно удивлять даже его самого, и он старается никогда не гадать. У него нет ни следа беспокойства, усилий, исканий. Его искусство — это признание, лишенное искусственности, восторженная и всепобеждающая молитва, искрящееся и как бы непроизвольное очарование»¹⁶.

В 1926 г. Роберт Генин, возможно, вдохновленный примером Поля Гогена, одержимого заокеанской экзотикой, совершил поездку на остров Бали (тогда — в составе голландской Ост-Индийской компании), посетив попутно Яву и Суматру. Оттуда он привез много графических зарисовок и живописных этюдов и посвятил путешествию иллюстрированную прозаическую книгу «Дальний остров»¹⁷. В 1936 г. художник побывал в США и устроил персональную выставку в галерее Lilienfeld в Нью-Йорке.

Еще в начале 1930-х гг. при посредничестве советского представительства Красного Креста в Швейцарии и советского посольства во Франции Генин получил советское гражданство и разрешение на возвращение в СССР, однако переезд в Москву состоялся только после возвращения из Америки в конце 1936 г.

В 1937 г. Генин вел курс фрески и живописи в мастерских «Пролетарская артель» в Мстёре, начинал работать над росписями для павильона «Совхозы» для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, однако этот проект, как и некоторые другие, осуществить не удалось. Не исключено, что главные надежды художник связывал с развернувшейся в Москве работой по проектированию Дворца Советов, что открывало исключительные возможности для монументального творчества. В 1939 г. в советской печати появились две его теоретические статьи: «Настенная живопись и ее техника»¹⁸ и «О подготовке к росписи Дворца Советов»¹⁹. Проявляя в этих работах тонкое понимание синтетической природы монументального искусства и незаурядные знания техники фрески, он в соответствии с духом времени не избежал и типичной коммунистической риторики: «Наша эпоха выдвинула художника-гиганта нового типа, которого не знала и не могла знать эпоха Возрождения, — великий творческий коллектив Советского Союза. Мастера искусства учатся в его школе, выражают его мысли и чаяния. Тем самым нашим мастерам искусства обеспечены новые условия синтеза, творческого сотрудничества, невиданные в прошлом»²⁰. Около того времени им была подготовлена

монография о фреске, права на которую были приобретены Комитетом по строительству Дворца Советов, но ее издание не состоялось.

В 1943 г. Роберт Генин покончил жизнь самоубийством в своей московской мастерской. Причины такого решения нам неизвестны, однако легко предполагаемы. Многим «возвращенцам» была тогда уготована на родине печальная судьба. Имя и творчество художника были надолго преданы забвению, а судьба оставшихся в его мастерской работ до сих пор остается неизвестной. В многотомном библиографическом Словаре «Художники народов СССР», издание которого началось в 1970 г. и, кажется, продолжается до сих пор, среди нескольких тысяч малоизвестных имен места для Роберта Генина не нашлось (как, впрочем, и таким корифеям, как Александр Архи-

Девушка с цветком. 1920-е. Тонкая бумага, пастель. 61 × 46. Собрание А. Родионова (СПб)

Работницы в поле. 1912. Литография. 22 × 20. Лист №15 из альбома «Фигурные композиции» (20 листов), 1912, Мюнхен, изд. «Дельфин», тир. 140 экз.

пенко, Наум Габо или Владимир Баранов-Россине). На Западе имя Роберта Генина продолжало упоминаться во всевозможных справочниках по искусству, однако само его творчество было надолго скрыто от публики и постепенно стало предметом интереса лишь просвещенных знатоков. Только в 1969 г., после долгого перерыва, его персональная выставка состоялась в Эслингене (Германия), а в 1970 г. — в галерее W. Gurlitt в Мюнхене; в 1974 г. произведения Генина были показаны на выставке «Русский взгляд» в Гейдельберге, а в 1977 г. в Эслингене прошла его ретроспективная выставка²¹. Упомянем также выставки Генина в Мюнхене в 1980 г. и Штутгарте в 1985 г. Наконец в 2003 г., через 60 лет после смерти художника, упомянутый нами в начале статьи его автопортрет был показан в Русском музее на выставке «Русский Париж».

Наследие Роберта Генина, лучшие произведения которого обладают безусловной музейной ценностью, нам еще предстоит заново открыть. Остается воздать честь коллекционерам, по достоинству оценившим творчество этого художника, систематически собиравшим и сохранившим его работы.

Примечания

- ¹ В Интернете на разных порталах фигурирует краткая справка о Р. А. Генине, составленная мною четверть века назад и содержащая неточности. Уточненные сведения были приведены нами в книге: *Лейкинд О. А., Махров К. В., Северюхин Д. Я.* Художники Русского Зарубежья 1917–1939: Биографический словарь. СПб., 1999; 2000. С. 219–221. Ценную помощь при подготовке данной статьи оказал Алексей Родионов; им же были предоставлены для репродуцирования работы из его коллекции.
- ² См. примеч. 12; перевод с немецкого А. Родионова.
- ³ По свидетельству А. Родионова, этот дом с мансардой, запечатленной на одном из рисунков Р. Генина, сохранился; в двухстах метрах от него располагается переулок, носящий теперь имя русской художницы Марианны (Мариамны) Веревкиной.
- ⁴ *Wilhelmi Cr.* Künstlergruppen in Deutschland, Österreich und Schweiz seit 1900. Ein Handbuch. Stuttgart, 1996.
- ⁵ *Figürliche Kompositionen.* München: Delphin, 1912.
- ⁶ *Левинсон А.* Искусство на Балтийской выставке в Мальмё // Речь. 1914. 27 июня.
- ⁷ *Die Frau.* München, 1915.
- ⁸ *Lithographisches Skizzenbuch.* München, 1916.
- ⁹ *Menschen.* Berlin: Gurlit, s.a.; 8 офортов.
- ¹⁰ *Zirkus.* Berlin: Gurlit, s.a.; 7 офортов.
- ¹¹ *Typen aus Berliner Spelunken / zusammen mit M. Fingesten.* Berlin: P. Cassirer, 1923; 30 офортов и литографий.
- ¹² *Lieder nach Chinesischen zur Symphonie "Das Lied von der Erde" von Gustav Mahler / Text von H. Bethge, Radierungen von R. Genin.* Berlin, 1923.
- ¹³ *Skizzen und Erinnerungen von Robert Genin.* Berlin: Fritz Gurlit Verlag, 1920. Привилегированный тираж 100 экз. был напечатан у Отто фон Холтена на бумаге ручной выделки, с пятью авторскими литографиями и подписным авторским офортом, напечатанным у Гурлитта. Экземпляры с первого по двадцатый имеют авторскую подпись на всех шести листах авторской графики и содержат ещё один подписной авторский офорт. Обычное тиражное издание вышло у Гурлитта в 1922.
- ¹⁴ *Russische Kunst (Ikone. Volkskunst. Neue Gemälde).* Gallery von Garvens. Hannover, 1921. [Katalog].
- ¹⁵ *Erste Internationale Kunstausstellung.* Düsseldorf, 1922. [Katalog].
- ¹⁶ *Fierens P. Guénine. Ou L'enfance retrouvée // Emporium.* 1931. № XIX. P. 157. Перевод С. Александрова.
- ¹⁷ *Die ferne Insel: Aufzeichnungen von meiner Fahrt nach Bali in Wort und Bild von Robert Genin.* Berlin: Wegweiser-Verlag G.M.B.H., 1928.
- ¹⁸ *Архитектура СССР.* 1939. № 6. С. 26–27.
- ¹⁹ *Искусство.* 1939. № 4. С. 125–129.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Robert Genin. Ausstellungskatalog der Kunstgalerie Esslingen,* 1977.

© Дмитрий Северюхин,
историк искусства

РЕКЛАМА

РЕКЛАМА